

А. В.
АМОИТЕАТРОВ

Амфитеатров А. В. Мертвые боги: Рассказы. Роман М.: Современник, 1991.-- (Из наследия). // ISBN: 5-270-01012-7 FB2: "rvvg ", 07.05.2009, version 2.0 UUID: FBD-14C282-BC92-9C43-EF97-BA3A-759C-70E96F PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Валентинович Амфитеатров

Наполеондер (Мифы жизни (1911))

Сборник «Мертвые боги» составили рассказы и роман, написанные А. Амфитеатовым в России. Цикл рассказов «Бабы и дамы» — о судьбах женщин, порвавших со своим классом из-за любви, «Измена», «Мертвые боги», «Скиталец» и др. — это обработка тосканских, фламандских, украинских, грузинских легенд и поверий. Роман «Отравленная совесть» — о том, что праведного убийства быть не может, даже если внешне оно оправдано.

Из раздела «Русь»

Содержание

#1	0005
Примечания	0029

**Наполеондер
(Солдатская легенда о
старой гвардии)**

Давно, не давно, а деды наши запомнят, — захотел Господь Бог покарать людей за нечестие. И стал Он думать, как и чем их покарать, и держал о том совет со ангелы и архангелы.

Говорит Господу Богу архангел Михаил:

— Тряхни-ка их, Господи, трусом. Отвечал Господь Бог:

— Это дело пробованное. Кое время мы Содом-Гомору растрясли, а человеки от того умнее не стали: Содом-то Гомора теперь, почитай что, по всем городам пошла.

Говорит Гавриил-архангел:

— А ежели глад?

Отвечал Господь Бог:

— Младенцев бессловесных жалостно, — за что младенцы погибать будут? Опять же и скотина кормов решиться должна, а ведь неповинная она, скотинка-то.

— Потопом их потопи! — Рафаил советует.

— Никак невозможно, — Господь Бог в ответ, — потому что, первым делом, сам я клялся людям, что потопа больше не будет, а раду-гу в уверение давал. А второе дело — грешник теперь, шельма, хитрый пошел: на пароход

сядет, через потоп уплывет.

Смутились тут архангелы, приуныли, стали думать-гадать, головы ломать, каким злом-бедою можно грешный народ образумить и в совесть привести. Но как с испокон веку только на добро Господу Богу служивши, о всяком зле земном позабыли, то и ничего придумать не могли.

В эту самую минуту выходит вперед Иван-ангел, из простых, нашего русского звания, которого Господь Бог поставил мужицкие души ведать. Преклоняется с учтивостью и докладывает:

— Господи! Там вас Шайтан-чумичка спрашивает. В рай не дерзает, потому от него дух нехорош, — так в сенях дожидается.

Обрадовался Господь Бог:

— Позвать сюда Шайтана-чумичку. Этот плут мне весьма известный. Очень он сейчас ко времени. Кто-кто, а уж эта bestия придумает.

Вошел Шайтан-чумичка: рожа черная, опойковая, — из-под полушубка хвост торчит, голос сипкий.

— Коли прикажете, — сказывает, — я всю

вашу беду — руками разведу.

— Разведи, братец, — оставлен не будешь.

— Дозвольте, — говорит, — чтобы наше-
ствие иноплеменников.

Господь Бог ручкою на него махнул:

— Только-то от тебя и будет? А еще умный!

— Позвольте, — Шайтан ему насупро-
тив, — в чем же, однако, мое отсутствие ума?

— А в том, что советуешь наказывать лю-
дей войною, когда они только того и ищут,
как бы подраться между собою, народ на на-
род, и за это-то самое я их теперь и казнить
хочу.

— Это, — отвечает Шайтан-чумичка, — по-
тому они войн ищут, что еще настоящего вои-
теля не видали, а как пошлете вы им насто-
ящего воителя — они хвосты весьма попри-
жмут, — взмолятся к вам: помилуй и спаси от
мужа кровей и Ареда.

Удивился Господь Бог.

— Как, — спрашивает, — братец, не вида-
ли воителей? И Ирод-царь воевал, Алек-
сандр-царь дивии народы покорял, Иван-царь
Казань разорил, и Мамай-царь нестовый с ор-
дою приходил, и Петра-царь, и Анико-воин...

какого же им еще воителя-богатыря нужно?

Шайтан-чумичка говорит:

— Нужен Наполеондер.

— Наполеондер? Откуда взял? Какой такой?

— А такой, — говорит Шайтан, — мужиченко — не то чтобы больно мудрящий, только очень нравом лютой.

Господь Бог — к архангелу Гавриилу:

— Почитай в книге живота: где у нас записан Наполеондер?

Читал-читал архангел, ничего не вычитал.

— Никакого Наполеондера в книге живота нету. Все врет Шайтан-чумичка. Нигде у нас не записан.

А Шайтан-чумичка — вразрез:

— Ничего нет удивительного, что Наполеондер у вас в книге живота не записан. Потому в книгу живота тех пишут, которые от отца-матери родились и пупок имеют, а у Наполеондора ни отца, ни матери не было, и пупка у него нет. Так что это довольно даже удивительно, и можно показывать его за деньги.

Очень изумилея Господь Бог:

— Как же он, твой Наполеондер, в таком разе на свет произошел?

Шайтан отвечает:

— А так и произошел, что свил я его себе на забаву куклою из песку морского. А ты, Господи, в те поры личико свое святое умывал, да не остерегся, водицею брызнул, — прямо с небеси Наполеондеру в мурло попал: он оттого и стал человеком и ожил [1]. И обитает он теперича не близко, не далеко — на Буян-острову, посередь окиян-моря. Земли на том острову верста без сажени, и живет по ней Наполеондер, морских гусей сторожит. За гусями ходит, а сам не ест, не пьет, не спит, не курит — одно в мыслях держит — как бы ему весь свет покорить.

Подумал Господь Бог, приказал:

— Веди его ко мне.

Доставил Шайтан Наполеондера в рай. Посмотрел на него Господь Бог: видит — человек военный, со светлую пуговицей.

— Слышал я, — спрашивает, — что ты, Наполеондер, весь свет завоевать хочешь?

Наполеондер отвечает:

— Точно так. Очень как хочу.

— А думал ли ты, Наполеондер, о том, что когда воевать будешь, то много народа попьешь, реки крови прольешь?

— Это, — говорит Наполеондер, — мне, Господи, все единственно. Потому — мне главное дело, чтобы весь свет покорить.

— И не жаль тебе, Наполеондер, будет убитых, раненых, сожженных, разоренных, голодающих?

— Никак нет, — говорит Наполеондер, — чего жаль? Я это не люблю, чтобы жалеть. Как себя помню, никого не жалел и вперед не стану.

Обернулся тогда Господь ко ангелам и сказал:

— Господа ангелы! Парень этот к делу весьма подходящий.

А — к Наполеондеру:

— Прав был Шайтан-чумичка: достоин ты быть казнью гнева моего. Потому что воитель безжалостный хуже труса, глада, мора и потопа. Ступай на землю, Наполеондер, — отдаю тебе весь свет, тобою весь свет наказую.

Наполеондер говорит:

— Мне бы только войско да счастье, а уж я

рад стараться.

А Господь и положил на него заклятие:

— Будет тебе и войско, будет и счастье, — непобедим ты будешь в боях. Но — памятуй: покуда ты безжалостен и лют сердцем, — до тех пор тебе и победы. А как только возжалешь ты крови человеческой, своих ли, чужих ли, тут тебе и предел положен. Сейчас тебя враги твои одолеют, полонят, в кандалы забьют и пошлют тебя, Наполеондера, назад на Буян-остров гусей пасти. Понял?

— Так точно, — говорит Наполеондер. — Понял. Слушаю. Не буду жалеть.

Стали спрашивать Бога ангелы и архангелы:

— Господи, для чего ты Наполеондери такое страшное заклятие положил? Ведь этакто, не жалеючи, он всех людей на земле переколотит, не оставит и на семена.

— Молчите! — отвечал Господь, — не долго навоюет. Храбер больно: ни людей не бойся, ни себя самого. Думает от жалости уберечься, а не знает того, что жалость в сердце человеческом всего сильнее, и нет человека, который бы ее в себе хоть крошечку не имел.

Архангелы говорят:

— Да ведь он песочный.

А Господь им наперекорку:

— А что он от живой воды моей дух получил, это вы ни во что почитаете?

Набрал Наполеондер несметное войско, дванадесять язык, и пошел воевать. Немца повоевал, турку повоевал, шведа, поляка — так и косит: где ни пройдет — гладко. И уговор помнит крепко: жалости — ни к кому. Головы рубит, села жжет, баб насилует, младенцев копытами коней топчет. Разорил-погубил все басурманские царства — все не сыт: пошел на крещеный край, на святую Русь.

На Руси тогда был царь Александр Благословенный, что теперь в Петербурге-городе на Александровской колонне стоит и крестом благословляет, — оттого Благословенный и имя ему. Как напер на него Наполеондер с дванадесять язык, увидал Благословенный, что всей Расее конец приходит, и стал спрашивать своих генералов-фельдмаршалов:

— Господа генералы-фельдмаршалы! Что я с Наполеондером могу возражать? Потому что он несносно напирает.

Генералы-фельдмаршалы отвечают:

— Ничего мы, ваше величество, с Наполеоном возразить не можем, потому что ему от Бога дано слово.

— Какое слово?

— А такое: Бонапартий.

— Почему же оное слово, господа генералы-фельдмаршалы, столь ужасно, и что оно обозначает?

— Ужасно оно тем, что как, скажем, видит он в сражении, что неприятель очень храбрый, и его сила не берет, и все евоное воинство костьюми ложится — сейчас он этим самым словом — Бонапартием — себя и проклянет. А едва проклянет, тотчас все солдатики, которые когда ему служили и живот свой на полях брани за него оставили, приходят с того света. И ведет он их на неприятеля снова, как живых, и никто не в силах устоять пред ними: потому что — рать волшебная, нездешняя. Означает же слово Бонапартий — шестьсот шестьдесят шесть, число звериное.

Опечалился Александр Благословенный. Однако, подумавши, сказал:

— Господа генералы-фельдмаршалы! Мы,

русские, народ чрезвычайно какой храбрый! Со всеми мы народами воевали — ни супротив кого себя в грязь лицом не ударили. Коли привел теперь Бог с упокойниками воевать — Его святая воля: постоим и супротив упокойников.

И повел он войско-армию на Куликово поле и стал ждать здесь Наполеондера. А Наполеондер-злодей шлет ему посла с бумагою:

— Покорись, Александр Благословенный, я тебя за то, не в пример прочим, пожалую!

Но Александр Благословенный, как был государь гордый и амбицию свою соблюдал, с послом Наполеондеровым говорить не стал, а взял тое самую бумагу, что посол привез, нарисовал на ней кукиш да Наполеондеру в отместку и отослал.

— Этого не хочешь ли?

И дрались они, рубились на Куликовом поле, и, долго ли, коротко ли, начали наши Наполеондора одолевать. Попприрубили, попристреляли всех его генералов-фельдмаршалов, на самого наседают:

— Конец тебе, изверг Наполеондер! Сдавайся! — кричат.

А он, Наполеондер, на коне, как сыч, сидит, буркалами ворочает да ухмыляется:

— Погоди, говорит, не торопись. Скоро сказка сказывается, дело творится мешкотно.

И крикнул свое вещее слово:

— Бонапартий! Шестьсот шестьдесят шесть, число звериное!

Потряслась земля, загудело славное Куликово поле. Глянули наши, да — все и руки врозь: со всех-то краев поля — грозные полки идут, штыки на солнце горят, — знамена рваные над шапками страшными, мохнатыми треплются, — идут, трах-тах, трах-тах, шаг отбивают, — молча идут, а рожи у всех, как пупавка, желтые, а глаз-то подо лбом и в поиме нет...

Ужаснулся Александр, Благословенный царь. Ужаснулись его генералы-фельдмаршалы. Ужаснулась вся российская сила-армия. И дрогнули они, не выдержали покойницкой силы, пустились бежать куда глаза глядят. А вор Наполеондер, на коню сидя, за бока держится, хохочет-заливается:

— Что, — кричит, — не по зубам вам мои старички пришлись? То-то! Это не с маль-

чишками в бабки играть. Ну-ка, господа честные упокойнички! Я никогда никого не жалел, так и вы врагов моих не жалейте; задайте им по-своему.

Покойники говорят:

— Покуда так, мы твои слуги до вечные.

Бежали наши с Куликова поля на Полтав-поле, с Полтав-поля на славный тихий Дон, с тихого Дона на Бородино-поле, под самую Москву-матушку. И — как до какого поля добегут — сейчас к Наполеондору лицом обернутся и идут на него врукопашь. Так что сам Наполеондер, на что злодей, очень ими восхищался.

— Помилуй Бог, какой храбрый русский солдат! В чужих краях я таких не видывал.

Но при всей большой нашей храбрости никак мы с Наполеондором возражать не могли, — потому на слово его слова не знали. Во всех сражениях бьем его, гоним, вот-вот на аркан зацепим, в полон возьмем, — ан тут-то он, плут-идол беспутный, и спохватится. Крикнет-гикнет Бонапартия: упокойнички и лезут из могилки во всей амуниции, зубом скрипят, начальство взором едят — где про-

шли, трава не растет, камень лопается. И так наши напугались этой силы нечистой, что уже и воевать с нею не могли. Как только слышат проклятого Бонапартия, как завидят мохнатые шапки да желтые рожи, все ружья побросают, бегут в леса прятаться.

— Как хошь, — говорят, — Александр Благословенный, а под упокойника мы не согласны.

Александр же Благословенный плакался:

— Братцы, повременим бежать! Понатужимся еще чуточку. Не все же ему, собаке, над нами кружиться. Положен же ему последний предел от Господа. Ноне его, завтра его, а там, даст Бог, и наша авоська вывезет.

И поехал он ко старцам-схимникам, в пещеры киевские, на острова валаамские — митрополитам-архимандритам в ножки кланялся:

— Молитесь, святые отцы, чтобы перестал на нас гнев Господень, потому что нету нашей силы-мочи отстоять вас от Наполеондера.

И молились старцы-схимники, митрополиты-архимандриты со слезами и коленопре-

клонением, так что на лобиках синяки набили, а на коленках мозоли выросла. И молился со слезами весь народ русский, от царя до последнего нищего. И заступницу Скорбящих, Божью Мать Смоленскую, в слезах, подняли и понесли на славное Бородино-поле — и вопили:

— Пресвятая Богородица! Ты еси упование и живот! Заступи и скоро помилуй!

И у самой свет Пресвятой Богородицы из-под серебряной ризы, из-под жемчужного подниза, по темному лику — слезы закапали. Весь народ Божий, вся сила-армия видеала, как святая икона плакала, — и ужасно это было всем, и умильно. Внял Господь Бог русскому воплю и молитве пресвятой Богородицы, Смоленской Божьей Матери, и вскричал ко ангелам и архангелам:

— Миновал час гнева моего. Довольно претерпели человеки за грехи свои и все в сквернах своих предо Мною покаялись. Довольно Наполеондери народ губить, — пора узнать и милосердие. Кто из вас, слуги мои, на землю сойдет, кто примет труд велик — умягчить сердце воительское?

Вызвался Иван-ангел:

— Я пойду.

А Наполеондер на ту пору большую победу одержал. Едет он по бранному полю на борзом коне, копытами конскими мертвецов давит, — и никого ему не жаль, одну думу в голове держит: «С Расеей порешу, на китайского царя и бел арапа пойду, — тогда уж как есть до остатка весь свет покорю!»

Только слышит он, вдруг зовет его некто:

— Наполеондер, а Наполеондер!

Оглянулся Наполеондер: ан поблизости, на пригорке, под кусточком, русский солдатик лежит — раненый — и рукою ему машет. Удивился Наполеондер: что русскому солдатику от него надобно. Поворотил коня, подъехал.

— Чего тебе?

— Ничего мне, — солдатик отвечает, — от тебя не надобно, только одно слово спросить. Скажи мне, пожалуйста, за что ты меня убил?

Еще большие удивился Наполеондер: сколько лет он воевал, сколько людей убил-ранил, а никто его никогда ни о чем таком не спрашивал. А и солдатик-то не мудрый: молодой, белобрысенький, — видать, что но-

вобранчик, из деревни, от сошки взят.

— Как за что, братец? — говорит Наполеондер. — Не мог я тебя не убить. Присяга твоя такая, чтобы убиту быть,

— Я, Наполеондер, присягу знаю и убиты быть не супротивничаю. Но ты-то за что меня убил?

— Как же мне тебя не убить, коли ты мне неприятель — сиречь враг: воевать со мною на Бородино-поле вышел.

— Окрестись, Наполеондер, какой я могу быть тебе враг? Никаких промеж нас с тобой спора-ссоры никогда не было. Покуда ты в нашу землю не пришел да в солдаты меня не забрили, — я о тебе отродясь не слыхивал. А ты меня, кто я есмь человек, и по сейчас не знаешь. И все-таки ты меня убил. И сколько других таких же убил.

— Убил, — говорит Наполеондер, — потому что мне надо весь свет покорить.

— А мне-то что до этого, что надо тебе свет покорить? Покоряй, коли охота есть, — я в том тебе не препятствую. Но меня-то за что ты убил? Нешто от того, что ты меня убил, свету тебе прибавилось? Нешто он мой, свет-

то? А ты меня убил! Нерассудительный ты, Наполеондер, братец. И неужели думаешь ты чрез то, что народ бьешь и увечишь, в самом деле свет покорить.

— Очень даже думаю.

Улыбнулся солдатик.

— Совсем ты глупый, Наполеондер. Жаль мне тебя. Разве весь свет покорить можно?

— Все царства завоюю, все народы в цепи закую, один на всей земле царем буду.

Покачал головою солдатик.

— А Бога завоюешь?

Смутился Наполеондер:

— Нет, Божья воля над всеми нами, все мы в Божьей деснице живем.

— Так что же и пользы тебе весь свет завоевать? Все он, значит, не твой будет, а Божий. И покуда Бог тебя терпит, потуда только ты и цел.

— Это я и без тебя знаю.

— А коли знаешь, зачем же ты с Богом не считаешься? Разве дозволил Он человеку неповинную кровь лить? За что ты меня убил?

Нахмурился Наполеондер.

— Ты, брат, мне этих слов не говори. Я таких ханжей слыхивал. Напрасно. Не проведешь. Я жалеть не умею.

— Ой ли? — спрашивает солдат. — Смотри: много ты форсу на себя напускаешь. Без жалости человеку, врешь, прожить нельзя! Что жалость, что душа — все едино. Душа-то есть у тебя аль нету?

— Известно, есть. Нельзя без души.

— Ну вот видишь: душу имеешь, в Бога веришь, — как же тебе жалости не узнать? Узнаешь. И я так даже думаю, что вот и сейчас ты стоишь надо мною — только вида показать не хочешь, а про себя, в душе, смерть как меня жалеешь: за что ты меня убил?

Рассвирепел Наполеондер:

— А, такой-сякой, типун тебе на язык! Вот я тебе покажу, как тебя жалею.

Вынул пистолет и прострелил раненому голову. Обернулся к своим упокойникам, говорит:

— Видели?

— Видели. Покуда так, мы твои слуги до вечные.

Поехал Наполеондер дальше по бранному

полю... Ночь прошла — сидит Наполеондер в шатре золоченом, один-одинешенек, и больно ему не по себе. И что ему сердце грызет — сам понять не может. Который год воюет, а — впервой это дело: никогда такой жути на душе не было. А на завтра утром — бой ему начинать, последний, самый страшный бой с Александром, Благословленным царем, на Бородине-поле.

«Эх, — думает Наполеондер, — покажу я себя завтра, каков я есть молодец. Православную силу-армию кое копьём приколю, кое конем стопчу, Александра-царя в полон возьму, весь русский люд убью-расшибу».

Но на ухо ему — кто-то опять будто:
— А за что?

Потряс головою Наполеондер:

— Знаю, чья штука. Опять солдат давешний. Ладно! Не поддамся ему. За что? За что? Эка — пристал. Почему я знаю, за что? Кабы знал, за что, — так, может быть, и не воевал бы.

В постелю лег. Едва заведет глаза под лоб — стоит перед Наполеондером вчерашний солдат. Молоденький, кволенький, воло-

сы русые, а усы еще не выросли — только белым пухом губа обозначилась. Лоб бледный, губы синие, глаза голубые меркнут... а на виске дырка черная, куда евонная — Наполеондора — пуля прошла...

— За что ты меня убил?

Ворочался-ворочался в постели Наполеондер. Видит: плохо дело, — нет, не избыть ему солдата. И сам на себя дивуется:

— Что за оказия? Сколько миллионов всякого войска перебил, — всегда в мыслях свободен был, — тут вдруг один какой-то паршивый солдат, а какую мне завязку в голове делает.

Встал — и нестерпимо ему в золоченом шатре. Вышел на вольный воздух, сел на коня и поехал к тому пригорку, где он досадного солдата из собственных рук пристрелил.

«Слышал я, — думает Наполеондер, — что — коли мертвец мерещится — надо ему засыпать глаза землею: тогда отстанет».

Едет. Месяц светит. Тела мертвые грудями лежат. Синий свет по ним бродит. Едет Наполеондер, тлен смотрит, тден нюхает.

— Все это — я побил!

И дивно! кажется ему, будто все они, побитые, на одно лицо — русые да безусые, молодые, голубоглазые — и смотрят все на него жалостно и ласково, как тот солдат смотрел, и шевелят бескровными губами и лепечут укор беззлобный:

— За что?

Стеснилось у Наполеондера воительское сердце. Не имел он духа доехать до пригорка, где тот солдат лежал, повернул коня, поехал к шатру... И — что ни покойник на пути — снова слышит он:

— За что?

И уже не стало у него азарта-прыти, как прежде, пускать коня — скакать по мертвым ратникам, но объезжал он каждого упокойника, на поле брани живот свой честно положившего, с доброю учтивостью, а на иного взглянет да еще и перекрестится:

— Эх, мол, этому жить бы да жить... Молодец-то какой бравый! А я его убил. За что?

И сам не заметил воитель Наполеондер, как растопилось и умилилось его сердце и возжалел он убитых врагов, — а вместе с тем заклятье его отошло от него, и стал он такой

же, как все люди.

А наавтра бой.

Выехал Наполеондер на Бородино-поле к ратям своим, туча тучею — все семьдесят се-стер-лихорадок его треплют. Посмотрели на него генералы-фельдмаршалы — ужаснулись:

— Ты бы, Наполеондер, водки, что ли, выпил. На тебе лица нет.

Как двинулись русские на Бородине-поле супротив наполеондеровской орды, она — сразу и врассыпную пошла. Стали генералы-фельдмаршалы Наполеондеру советовать:

— Плохо дело, Наполеондер: больно сердито бьются сегодня русские. Говори свое слово. Зови упокойников.

Начал Наполеондер кричать Бонапартия, шестьсот шестьдесят шесть, число звериное. Однако, сколько ни кричал, только галок испугал, а упокойники на зов не пришли — не откликнулись. И остался Наполеондер посередь Бородина-поля как перст один, потому что все генералы-фельдмаршалы бежали от него, как от чумового. И сидел он на коне один, и орал один, а покуда орал — откуда ни возьмись, встал пред ним вчерашний убитый

солдат...

— Не надсажай себя, Наполеондер: никто не придет. Потому что возжалел ты вчера меня и побитых братьев моих, — и, за жалость твою, не послушают тебя упокойники: вся твоя сила над ними отошла от тебя.

Заплакал тогда Наполеондер:

— Погубил ты меня, солдатище несчастный!

Но солдатик — а был это не солдатик, но Иван-ангел — отвечал:

— Не погубил я тебя, но спас. Потому что, если бы продолжал ты свой путь беспощадный, безжалостный — не было бы тебе прощения ни в сей жизни, ни в будущей. Теперь же Господь дает тебе срок покаяния: на сем свете тебя казнит, но на том — коли грехи замолишь — помилует.

И стал невидим.

А на Наполеондера наскочили наши донские казачки, сняли его с коня, отвели к Александру Благословенному. Кто говорит: Наполеондера убить-расстрелять; кто говорит: Наполеондера в Сибирь сослать. Но Александру Благословенному укротил Господь сердце ми-

лостью. Не позволил он Наполеондера убить-расстрелять, не позволил в Сибирь сослать, а велел посадить его в железную клетку и возить-показывать по ярмаркам. И возили Наполеондера по ярмаркам тридцать лет и три года, покуда не состарился. А как состарился, отослали его на Буян-остров — гусей пасти.

Примечания

Рассказ написан в 1901 г., включен в сб. «Сказочные были», «Мифы жизни» (раздел «Русь»).

Печатается по изд.: Амфитеатров А. В. Мифы жизни // Собр. соч.: Спб., 1911. Т. 10.

Содом и Гоморра — города в древней Палестине, разрушенные за грехи их жителей огненным дождем и землетрясением (Бытие, 19, 24–25).

Аред (Иаред) — библейский патриарх.

Ирод-царь — в Евангелии — царь Иудеи, отдавший приказ об «избиении младенцев»; синоним тирана, изверга.

Александр-царь — имеется в виду Александр Македонский.

Иван-царь — Иван IV Грозный, взявший Казань, столицу Казанского ханства, которое было присоединено к Русскому государству (1552).

Петр-царь — Петр I.

Анико-воин (Аника-воин) — персонаж русского фольклора, богатырь, отличавшийся

огромной силой; в ряде духовных стихов представлен нечестивцем, разоряющим города и церкви.

Александр Благословенный — император Александр I (1777–1825).

Александровская колонна — памятник Александру I, сооруженный на Дворцовой площади в Петербурге французским архитектором О. Монферраном в 1834 г. Колонна увенчана фигурой ангела с крестом.

Означает же слово Вонапартий — шестьсот шестьдесят шесть, число звериное, — Распространенное поверье о том, что в Наполеоне воплотился апокалиптический Зверь; это подтверждалось подсчетами (число «666»).

Куликово поле — Куликовская битва произошла в 1380 г., когда русский князь Дмитрий Иванович одержал победу над войсками монголо-татарского хана.

Киево-Печерская лавра и остров Валаам — святые обители русской церкви.

Икона Смоленской Божьей Матери — Смоленская Божья Мать считалась покровительницей русского войска в Бородинской битве.

Примечания

Таков миф о сотворении человека у чувашей, черемисов, мордвы и всех обруселых поволжских и заволжских инородцев. (Прим. автора.)

[^^^]